

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ

АРТЕМ ВЕСЕЛЫЙ

Артем Веселый распахнул окно, через ворон на читателя глянули люди-вихри, люди-ураганы, люди-смерчи. Молодой автор почти не замечал осмысленных, коллективно-организованных носителей революции.

Между темпераментом молодого белориста и людьми-вихрями было родство. Было пристрастие к ним у Веселого Артема. Он обрывал рассказы об их судьбе в тот момент, когда революция вымывала их из своего обихода («Реки огненные», «Вольница»).

В романе «Страна родная» Веселый добивается сдержаннее. Больше тщательности и продуманности и в выборе языка. Затронута тема большей общественной значимости.

Автор подошел к годам гражданской войны со стороны некоторых решающих внутренних процессов. Он пытается раскрыть борьбу уездного городка Ключевина (где мукомольни, лесопилки, макаронные и обувные фабрики питали революцию) с таракаными, иконными, лучинными деревнями в переломные 1918—1919 годы. Его стремительная художественная мысль получает крепкий социальный упор. Он начинает прощупывать фигуры и начала организованные и ту среду, которая эту организованность питала.

Он уже не так увлекается своими украинскими героями, умеет развенчать их, развенчивает. Потому что постил бесценные их силы, художественно уловил реальную обреченность их асоциальных притязаний.

Он сочетает здесь подбор и передачу живых фигур с изображением массовых явлений, вещей и событий. Характерными лицами в большей мере являются именно такие массовидные явления: деревни, волости, казармы, извозы, конные моты, уезды, город, революция, словом, потоками.

В «Реках огненных» фигуры крестьянские, «дезертирские» организаторы революции, расчетливые строители.

Соблюдение пропорциональности в передаче отдельных фигур и отдельных событий рождает порой впечатление обильного мрака, падающего на

тыл гражданской войны, чересчур заслоняет просветы в созидательное будущее. Просветы с трудом, но с убедительностью отмечены Артемом Веселым.

Он развенчивает анархистские фигуры и дает образы осмысленных подмастерьев революции.

В деревенском тылу, в самой глухой его глубине комбедовский инструктор Филька Великанов. Веселый разоблачает его весьма трезво и с большим юмором.

Филька через некоторое время составляет «доклад вкратцах» о своей деятельности:

«И пришлось мне собрать всех грамотных человек десять на деревне и выбрать я из них председателя и секретаря, а остальных членами назначил и объявил о присоединении их деревни к Советской России. Бабы давай плакать, мужики креститься, а председатель — солдат Судьбицин — закрутил ус, смеется: не робей православные, помирать так всем вместе, и открытым голосованием на месте порешили переименовать в мою честь Урайкину деревню в Великановку.

Тогда пришлось мне тряхнуть портфель и вытащить инструкцию о комбедо»...

В одной из деревень Филька провел время очень весело, и «множества народу, как мужиков, так и баб высыпали на улицу провожать меня и по моей просьбе хором спели похоронный марш в честь моего отъезда».

В честь этой фигуры и сам автор играет похоронный марш, вытряхивая «беспокойного» Фильку из инструкторского тулупа.

В противовес Филькам он рисует Капустина — предисполкома, который работает бдительно и держит на-чеку все свои контролируемые и организующие особенности. Он держит битых два часа просятеля, вынытывая мелочи деревенского житья-бытья. Он утирает «предкомиссаровские слезы», утихомиривает недовольство рабочих, получивших в счет зарплаты по пяти аршин подопрелого сукна, возвращает на постройку моста путем дипломатической хитрости инженера Кипарисова, оскорбленного в его «святая святых» военкомом. Он выполняет наряды центра по разверткам, мобилизациям. Он проводит продсезды и слагивает сопротивление крестьян, которых поджигают «кулаки и кулачишки и капитал - кулаки всех сортов и мастей», устроивших свою фракцию в клезете. Он приостанавливает, совместно с секретарем укома Павлом Гребенчиковым, волынку рабочих депо, два месяца не получавших пайка и по неделям не выдавших хлеба.

В «Реках огненных» стихия торжествует, подбираясь даже к машине, пытаясь опрокинуть ее. В «Стране родной» победителем выходит город, машина, организаторы революции, расчетливые строители.

Но и в «Стране родной» Веселый, как художник, все же часто появляется в папаше партизана, с перехваченными на

крест через плечо пулеметными лентами слов, образов, возгласов. Чрезвычайно хромает архитектура. Порой нет увязки между главами. И нет точности и численности в построении. При изображении огульных явлений он слишком часто дает волю глотке в «33 диаметра», какой обладает один его партизан Гришка.

В новом еще незаконченном романе «Россия, умытая кровью» действуют тоже фронты, телушки, ашелоны, базары, газареты. Над ними вырастают, подымаются две фигуры: «старого бою солдат» Максим Кужель и бывший матрос, затем красногвардеец — Васька Галаган.

Максим Кужель — крестьянин-работяга. Война ожесточила его, превратила в рубаку. Он начинает терять человеческий облик. В нем просыпается слепая месть. Первая революция рождает у него надежду, пробуждает мечту о работе, о семье, о земле, делает его солдатским делегатом, посылает в комиссию по выборам в учредительное собрание.

Кужель присматривается, приглядывается осторожно, деловито к вздыбленному фронту, прислушивается к голому Октябрю, перекатывающимся по окопам, прислушивается к самому себе.

Большая работа начинается в его медленно проясняющемся мозгу. Он чует «ключ» из уст красногвардейца Галагана: «Рабочий пошел буржуа бить, мужик пошел помещика громять, а вы фронт ломали и катите домой. Наша большевистская партия, товарищи, дорого стоит... партия без фокусов».

Кужель и Галаган сближаются. В первых отрывках дано их движение полустихийное, полусознательное по тяжким, страшным, неустроенным дорогам, по которым сахарники, пекаря, кожевники, рабочий люд страны тронулся в Октябрь.

Надо полагать, что Веселый в этом романе пойдет дальше «Страны родной», подойдет вплотную к городским, рабочим, ведущим коллективам, утвердившим в стране планомерно-созидательное, организованно-творческое начало.

Дать это, конечно, труднее, чем давать сплошняки, огулы, стихийные множества, но зато и благодарнее. Следует быть справедливым: из молодых Веселый первый заставил художественно звучать и действовать сплошняки и вихревые массы. Они звучат у него полно, своеобразно, мощно. Но гул их утих, он ушел вглубь истории. Тон уже на заре гражданской войны стали задавать дисциплинированные коллективы. Ясная, точная строительная воля их привела всю страну в движение планомерное, медленное, созидательное.

Движение и жизнь и борьбу этих новых исторических массивов Веселый может и должен заставить звучать и действовать также своеобразно, полно и сильно, если намечается художественно раскрыть новую историческую правду.

С. ПАКЕНТРЕЙГЕР